

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

BLACKWOOD'S MAGAZINE.

PUBLISHED MONTHLY.

No. 1405

NEW YORK:
THE LEONARD SCOTT PUBLICATION COMPANY,

ROBERT J. SPENCE, PROP.

249 WEST 18TH STREET.
Sole Agents for American Continent.

WILLIAM BLACKWOOD & SONS LTD., EDINBURGH.

HALCYON DAYS IN THE URALS.

BY P. S. NAZAROFF

Blackwood's Magazine, 1932-11: Vol 232 Iss 1405

https://archive.org/details/sim_blackwoods-magazine_1932-11_232_1405/page/704

БЕЗМЯТЕЖНЫЕ ДНИ НА УРАЛЕ

П.С. НАЗАРОВ

I.

Даже среди россиян не много найдется тех, кто знает восхитительные пейзажи, очарование природы и места великолепной охоты Южного Урала. Он не похож на Альпы или Пиренеи, но более – на округлые холмы Шотландии, лишь с тем отличием, что полностью покрыт густыми девственными лесами. Повсюду стаи дичи. По крайней мере, в дни моей молодости там было неисчислимое количество глухарей, тетеревов и рябчиков, водились в изобилии медведи и лоси; зимой появлялись северные олени, а косули были явлением самым обычным.

От ближайшей станции до описываемых мною мест было пару сотен миль езды. Как-то раз в небольшом русском селе Кананикольское, где проходит главная дорога в Верхнеуральск, я оставил свой тарантас и снарядил караван из верховых и вьючных лошадей. Со мною были киргиз, по имени Ураз, и Хабибулла, мой слуга-татарин. У всех троих были киргизские верховые лошади степной породы. Наш багаж, состоящий из палатки с необходимым походным снаряжением и инструментами, перевозился на пяти башкирских вьючных лошадях, которыми управлял уроженец этих мест по имени Кинджабулат. Он знал каждую тропинку, каждую дорожку, каждый уголок и щель в этих густых лесах и горах, где водилась дичь, помнил все традиции и легенды своего народа, унаследованные со времен его предков, исседонов Геродота; но, как и все башкиры, отличался умственной ограниченностью при высоком мнении о своих способностях.

Был конец июля, время жарких и солнечных дней. Наш маленький караван сразу же углубился в первобытный сосновый лес. Узкая тропа вилась среди огромных стволов и густых зарослей; башкирский проводник ехал впереди. Внезапно его лошадь остановилась, заржала и замерла. Ни шпоры, ни хлыст не могли заставить её продвинуться ни на шаг дальше. Лошадь не пыталась убежать, а просто стояла, как будто удерживаемая каким-то невидимым препятствием.

«Что случилось с твоей лошастью?» – спросил я Кинджабулата.

«Должно быть, медведь недавно пересек тропу, – ответил он. – Лошади очень боятся медведей».

Наши степные лошади не знают, что такое медведи, поэтому я подтолкнул своего коня, и он прошел через невидимый барьер спокойно, как и другие киргизские лошади, и, наконец, башкирские последовали за нами, но очень нервно.

«Это очень плохой лес, здесь много медведей», – сказал Кинджабулат.

Моё сердце охотника востроилось: я предвидел хорошую стрельбу! И начал расспрашивать Кинджабулата о здешних местах. Он сказал: «В это время года в лесу трудно найти медведей, разве что только случайно можно наткнуться на них днем, возможно, в зарослях малины. Вряд ли стоит идти на них сейчас, когда их шкура в плохом состоянии. Лучше подождать до первого снега, тогда их легко выследить; еще лучше прийти на Рождество, когда они глубоко погружены в свой зимний сон. Мои проводники нашли бы их в своих логовищах для тебя».

Несмотря на этот совет, я решил не отказываться от теперешней поездки, раз уж оказался здесь, но вернуться сюда еще раз зимой.

II.

Наш лагерь находился в восхитительном месте. Противоположный берег реки состоял из высоких скал, покрытых свежей зеленой травой, шиповником и небольшими соснами, а на вершине – лиственницей. Река вытекала из узкого ущелья, делала петлю вокруг лагеря и продолжала свой путь через горы и леса. Наш берег был плоским и

песчаным, с короткой травой и несколькими большими отдельно растущими деревьями ольхи и тополей.

Моей главной целью в этом месте было исследовать большую пещеру Шульган, что расположена примерно в полудюжине миль от лагеря, в узком ущелье небольшого притока реки Белой. Тропы вдоль берега не было, и мне пришлось ехать через лес. Я заметил несколько ульев-колод, висевших высоко на деревьях – примитивные сооружения, просто выдолбленные стволы деревьев – каждый из которых был привязан к большой сосне, чьи прилегающие ветви были срублены. Это было сделано для того, чтобы защитить ульи от медведей, так как, оставленные на земле, они неизбежно попали бы в лапы Михаила Ивановича, как русский крестьянин, наполовину в шутку, наполовину с уважением, часто называет медведя. Ульи также были защищены хитроумным устройством, состоящим из толстого и тяжелого бруса, подвешенного на веревке к ветке выше, который болтается прямо перед летком улья. Этот чурбан, как его называют, не выглядит эффективной защитой от лап лесного разбойника, но он основан на глубоком знании его характера и привычек медведя. Животное взбирается к улью и отодвигает чурбан лапой, чтобы добраться до меда. Но эта штукавина отскакивает назад и бьет его, и злит, так что зверь бьет её сильнее. Тяжелое бревно раскачивается как маятник и вновь сурово наказывает его, зверь приходит в пущую ярость и рано или поздно падает на землю, либо измученный неравной битвой, либо от того, что переусердствовал в своем гневе. Кинджабулат рассказал мне, что однажды нашел мертвого медведя, лежащего на земле возле чурбана. Зверь едва отошел от дерева на сотню шагов; его морда, залитая кровью, была разбита вдребезги, а нижняя челюсть сломана.

Мы резко спустились и подошли к узкому ущелью между высокими скалами, из которого вытекал небольшой ручеек. Проводник свернул в овраг, который был настолько узок, что нам пришлось ехать вверх по руслу ручья, где через несколько минут очутились в необычном месте.

Скалы, все еще высокие и вертикальные, как и прежде, расширились, образуя открытый амфитеатр или цирк. Перед нами был водопад. Справа от нас скалы были полностью покрыты густыми зарослями малины, спелые плоды которой наполняли воздух своим ароматом. Левая сторона была полностью занята огромным гротом, в устье которого находилось озеро с кристально чистой водой, отражающей своды грота и голубое небо. С одной стороны, подобно входу в огромный железнодорожный туннель, зияло огромное, черное, открытое отверстие в горе – настоящий вход в преисподнюю.

Протяженность пещеры, необъятность гротов и пропастей, а также количество и причудливые формы её сталактитов поразили моё воображение. Воздух был чистым и сухим. В один момент мы шли по просторным залам, в другой – ползли на коленях по узким проходам, где едва мог пройти человек, или по краю бездонных пропастей. В одном месте, где мы перелезали через выступающую каменную стену, чтобы добраться до арки, которая привлекла наше внимание в галерее высоко над крышей, поверхность скалы была влажной и скользкой, и, поскольку она спускалась к краю глубокой пропасти, это была рискованная работа, особенно на обратном пути. Мы последовали примеру проводника и легли плашмя на живот, хватаясь кончиками пальцев за каждую маленькую выпуклость; так нам удалось благополучно преодолеть препятствие. Нам пришлось бросить факелы, и наш путь освещала только одна мерцающая свеча, которую держал проводник. Пещера была исследована двумя горными инженерами в середине прошлого века. Они построили мосты и лестницы над более опасными местами, но ко времени нашего визита все это сгнило.

В конце нашего исследования мы наткнулись на подземную реку, которая преградила нам путь. Она казалась очень глубокой, и было видно, что пещера простирается дальше.

Когда мы снова вернулись к свету, был уже вечер.

После ужина я слушал фантастические рассказы Кинджабулата о пещере. Конечно,

все пещеры на территории магометан ведут до самой Мекки, но пещера Шульган, в соответствии с Кинджабулатом, идет еще дальше; она ведет, по сути, прямо в Мир иной.

«Ты, конечно, не веришь, *тюрид*, – сказал он (это башкирский эквивалент киргизского тавира, фактически сахиб), – но это совершенная истина! Когда я был мальчиком, башкир из нашей деревни, который услышал, что там спрятано великое сокровище, отправился на поиски его и пропал в течение нескольких дней; он прошел пещеру прямо насквозь и вышел в Мир иной, но был так напуган, что бросился назад и благополучно добрался до дома. Он рассказал нам много замечательного об этом».

«И что же он рассказал тебе об этом *ином* Мире?» – подначил его я.

«Он взял с собой запас еды, свечи и веревку и решил не оставлять неисследованным ни один уголок или щель. Он переплыл реку и долго бродил по дальнему берегу; потом спустился очень глубоко под землю и увидел длинный и узкий проход. Он шел по нему очень долго и, наконец, увидел свет в дальнем конце, похожий на туман. Когда он подошел ближе, то обнаружил, что свет проникает внутрь через отверстие, похожее на окно. Ему было так интересно, что он пошел еще дальше и вышел на открытую местность, и здесь, к своему ужасу, увидел следы кочевников и даже пепел от их лагерных костров. Он был в ужасе, боялся, что джинны, которые наверняка там живут, придут и поймут его, поэтому поспешил назад, снова влез в окно, завалил его камнями и вернулся домой целым и невредимым. Аллах спас его от Шайтана и джиннов, потому что он был хорошим мусульманином и никогда не забывал своего намаза после визита в Мир иной».

«Должно быть, он вышел из какого-то отверстия ночью или рано утром и вообще ничего не увидел?», – усомнился я в правдивости рассказа; но, конечно, естественное объяснение приключений его односельчанина никоим образом не удовлетворило ни Кинджабулата, ни моих киргизов и татар, которые предпочли более интересное и мистическое объяснение своего «истинно верующего» спутника.

На самом деле весь этот известняковый массив испещрен подземными пустотами. Прибыли башкиры и рассказали о нем много интересного. Поэтому исследование пещер заняло еще несколько дней. Мы отправились исследовать некоторые примечательные воронкообразные или конические углубления в земле, часто с полостями в стенах, уходящими, по словам башкир, на значительную глубину.

Примерно в десяти милях от лагеря мы наткнулись на еще одну заросль малины. Когда мы подъехали ближе, на другом конце малинника внезапно возникла высокая, коричневая, лохматая фигура, которая, казалось, пристально наблюдает за нами.

«Ой, Пирим! Айю! Клянусь святыми, медведь!» – кричали мои люди позади меня.

Топтыгин резко развернулся и пустился наутек, перепрыгивая через упавшие стволы с ловкостью, поразительной для такого громоздкого и неуклюжего на вид существа. В тот же миг мой киргиз и татарин бросились за ним, как сумасшедшие. Внезапные крики и этот безумный бросок двух жителей равнин, один из которых нес мою винтовку, а другой – мой пистолет, испортили великолепный шанс. Медведь был всего в шестидесяти шагах, и если бы мои спутники вели себя тихо, я мог бы спешиться, взять винтовку и удачно выстрелить. После этого случая я всегда держал свою винтовку при себе.

Однажды, гуляя по лесу, наблюдая за птицами, я случайно наткнулся на какие-то странные развалины. Это были остатки старых кирпичных построек, засыпанные землей, среди них росли высокие сосны; были видны курганы с большими деревьями на вершине, а кое-где возвышались кучи шлака.

Очевидно, тут когда-то были медеплавильные заводы. Кинджабулат ничего не мог мне о них рассказать, поэтому я послал его в ближайшую деревню, примерно в двадцати милях отсюда, чтобы навести справки.

Через пару дней Кинджабулат вернулся, привезя с собой почтенного старого джентльмена, которого он представил как хорунжего, или прапорщика казачьей и

башкирской кавалерии. Он рассказал мне следующую историю. Руины были остатками старого медного рудника, который был разрушен и разграблен Пугачевым во время его восстания против императрицы Екатерины в 1773 или 1774 годах. Пугачев перевешал владельцев рудника и забил насмерть рабочих, которые отказались признать его Императором. Он снес все здания и сжег церковь.

Задолго до восстания Пугачева здесь жил человек по имени Антон, который сошел с ума и много лет жил отшельником в пещере Шульган; позже он переселился в другую пещеру, что расположена на склоне высокого утеса над рекой и доступна только с помощью веревки сверху. Там он и умер.

Я спросил старика, знает ли он дорогу к пещере.

«Конечно, все здесь знают пещеру Антона, – вмешался Кинджабулат, – только ты не сможешь в нее попасть. Говорят, что внутри есть целая бочка, полная золотых монет. Многие люди пытались проникнуть внутрь, но никому это не удалось».

«Мой дедушка рассказывал мне, – продолжал старик, – что в его время, когда люди были смелее, чем сейчас, некоторые проникли внутрь, но не увидели ничего, кроме костей Антона и коробки, полной книг и старой одежды. Они ничего не трогали и оставили все как было».

Намек на книги заставил меня насторожиться, и я решил попробовать попасть в таинственную пещеру.

Пещера действительно выглядела совершенно недоступной, потому что утес, где находился её вход, круто поднимался над рекой. Нижняя часть утеса была покрыта травой, а верхняя вздымалась отвесно; на высоте примерно сорока или пятидесяти футов находились устья целого ряда пещер, ведущих внутрь известнякового массива, который вероятно был пористым как соты. Вершину венчали массивные сосны, которые снизу выглядели как небольшие кусты. Верхняя часть скалы спускалась к реке, а посередине виднелся небольшой выступ; здесь, под каменным карнизом, был большой вход в пещеру. Возле устья стояло слегка наклоненное бревно, вероятно, из лиственницы, которая, как хорошо известно, веками не гниёт.

В бинокль я мог ясно видеть, что это бревно – дело рук человека и что пещера ведет глубоко внутрь горы. Это был дом сумасшедшего Антона, а балка, к которой он привязал свою веревку – его единственным связующим звеном с внешним миром. Только акробат мог пробраться в пещеру с его помощью: нужно было бы спуститься по веревке с вершины скалы, висящей высоко над рекой, а затем, раскачавшись на веревке, в нужный момент прыгнуть на полку, и не отпуская веревку, закрепить её. Я не был достаточно подготовлен для этого трюка, и подумал, что, возможно, удастся найти проход из какой-либо другой пещеры, ведь там вполне могло быть подземное сообщение, но поиск его потребует большой работы и вырубки сотен ступеней. Кинджабулат взялся сделать лестницу.

«Дайте мне хороший топор, – попросил он, – и двоих человек в помощь, и я сделаю тебе лестницу».

«Ты действительно плотник?» – спросил я, сильно сомневаясь в его способностях.

«Я могу сделать все, что угодно, если дадите мне инструменты», – хвастливо воскликнул башкир.

Нам удалось снабдить его топором, и на следующий день, вместе с тремя башкирами, он принялся за изготовление лестницы.

Когда я прибыл со своими людьми через пару дней, то обнаружил, что конструкция Кинджабулата совершенно бесполезна. Столь необходимая лестница была сделана из тонких шестов, связанных лыком, и была слишком хрупкой.

«Вот она, Бари!» – воскликнул Кинджабулат, обращаясь ко мне.

«Не спешите подниматься по этой лестнице. Кинджабулат сделал её, а потому сам и должен подняться, чтобы проверить её на прочность» – вступился кто-то.

Это было совершенно справедливо, но, к всеобщему оживлению, башкир рискнуть

отказался. Наконец он больше не смог терпеть насмешки своих товарищей и начал очень медленно и осторожно подниматься по лестнице, проверяя прочность каждой ступеньки, прежде чем прикладывать к ней свой вес. Он уж был на полпути вверх, когда произошла неизбежная и ожидаемая катастрофа. Кинджабулат был тяжелым, слишком тяжелым для лестницы со столь хлипкими ступеньками, и одна из них сломалась. Он сразу упал на нижнюю, которая тоже подалась, поэтому он отчаянно вцепился в боковые жерди, навалившись на них всем своим телом, и только тогда все это крушение окончилось, под дружный смех публики. Ошеломленный падением, Кинджабулат едва успел подняться, и тут Хабибулла дал ему пощечину, от которой меховая тюбетейка неудачника отлетела в сторону.

Один из башкир сказал мне, что в яйлау или летних жилищах Кизляр-Биргана был настоящий мастер, который мог бы изготовить для меня настоящую лестницу. Я не хотел отказываться от своей идеи, а потому послал Хабибуллу в деревню, чтобы найти плотника и, если он покажется способным человеком, заказать у него лестницу. Он вернулся на следующий вечер, доставив не только плотника, но и хорошие новости.

Каждую ночь приходил медведь и портил овсяные поля Кизляр-Биргана, и башкир был бы только рад построить мне лабаз (засидку) бесплатно, лишь бы только я пришел на ночь, чтобы выследить медведя.

Поэтому на следующий день я разбил лагерь недалеко от деревни. Наблюдать за медведем не так просто, как может показаться. Рядом с овсом не было деревьев, а строить лабаз на открытом месте было неудобно, так как это сразу вызвало бы подозрения медведя, и он стал бы держаться подальше.

О том, чтобы сидеть на земле и ждать, не могло быть и речи, так как животное сразу же почуяло бы меня. Кроме того, в этих густых зарослях овса даже днем можно было бы увидеть и стрелять в него, как только он встал бы на задние лапы, а ночью его не было бы видно и за полдюжины шагов. Среди овса было много следов, и было ясно, что медведь не только питался им, но и катался по нему. А что еще хуже, было ясно, что он не всегда приходил с одного и того же направления, но каждый раз с разных сторон, иногда из леса, иногда с реки. Нам пришлось выбрать лучший вариант из плохих и поставить лабаз. К заходу солнца он был готов и довольно искусно замаскирован молодыми соснами, воткнутыми в землю, чтобы придать ему естественный вид.

Я провел всю ночь напролет, сидя, завернувшись в свой тулуп из овчины, в этом вычурном лабазе. Я слышал, как ветерок колышет овес, и в какой-то момент мне показалось, что я различил на другом конце поля смутную темную фигуру, похожую на медведя, стоящего и нюхающего воздух, но то было видением мгновенным и далёким. Утром мы нашли следы медведя на той стороне поля: очевидно, он был пуглив и подозрительно отнесся к внезапно появившейся группе деревьев.

Следующую ночь я тоже провел в лабазе. Дул прохладный и довольно сильный ветер в неблагоприятном для засады направлении. Этой ночью я не видел и не слышал никаких признаков появления кого-либо на поле, но очень рано, как только рассвело, до того, как взошло солнце, и легкий туман плыл над рекой и полями, я вдруг увидел животное, спешащее в сторону леса, на расстоянии около трехсот шагов. Высокая трава почти полностью скрывала его, и моей первой мыслью было, что это бурая корова, пока я вдруг не понял, что это медведь, который провел ночь в поле, наевшись овса, а теперь отправился спать на весь день. С ним ушла моя последняя надежда на выстрел, так как было ясно, что он решил впредь избегать окрестностей лабаза, где он подозревал присутствие человека. Я протяжно свистнул. Медведь остановился. Я снова свистнул. Зверь встал на задние лапы и понюхал воздух. Моя позиция не была удобной для выстрела: медведь был далеко, в полумраке, и не стоял на месте.

Моей первой мыслью было не стрелять, но потом я вспомнил, что обещал башкирам избавить их поля от зверя, и поэтому должен, по крайней мере, напугать его, чтобы он не вернулся. Поэтому я быстро прицелился. Звук в этом все еще туманном

утреннем воздухе показался потрясающим, он эхом отозвался в окрестных холмах и больше походил на выстрел из полевого орудия, нежели на выстрел из ружья Пибоди-Мартини "400. У меня был черный порох, и долгое время дым скрывал все; когда он рассеялся, медведя уже не было видно.

Через несколько минут мои люди, разбившие лагерь примерно в миле отсюда, прибыли с моей лошадей, и мы отправились посмотреть то место, где я видел медведя в последний момент. Первое, что меня поразило, был ужасный запах и сильный понос, явное свидетельство того, что животное перенесло сильный шок.

«Что ж, – сказали мужчины, указывая на зловонное месиво на земле, – даже если ты его не убил, он этого не переживет, он умрет от страха. С медведями это бывает, когда у них внезапный шок, и именно поэтому зовется медвежьей болезнью».

Мы пошли по следам, мужчины пешком, а я верхом. Прибежали башкиры, так как их лошади категорически отказывались приближаться к запаху. Примерно через сотню ярдов, там, где следы вели в лес, я увидел красное пятно на песчаной почве, затем еще одно, а затем обычный кровавый след.

Следы повернули обратно к реке и, к моему великому разочарованию, вели в воду. Зверь искал безопасности на дальнем берегу реки, которая в этом месте была глубокой и широкой. Его наверняка отнесло вниз по течению, но где мы могли подобрать его?

Я спросил башкира, где мы можем перейти вброд.

«Только возле вашего старого лагеря», – последовал сбивающий с толку ответ. Ничего не оставалось делать, как смириться с ситуацией и вернуться к исследованию наших пещер.

На этот раз лестница была крепкой и прочной, и башкирский плотник вызвался подняться первым, чтобы попробовать её. Она доходила только до крутого склона на краю выступа перед пещерой, так что с вершины лестницы нам пришлось переползти через этот выступ, чтобы добраться до отверстия. Внутри горы были огромные полости. Внизу они были узкими, дно покрыто камнями и булыжниками, упавшими с потолка, но выше расширялись, и потолка не было видно. Даже свет магниевой вспышки, не говоря уже о факелах, не достигал его. Казалось, что полости были открыты полному небу. О том, чтобы взобраться по этим гладким и вертикальным стенам, не могло быть и речи. Даже если бы эти полости соединялись выше с пещерой Антона, отсюда, конечно, в нее не было доступа. Там не было ни следов костей вымерших животных, ни останков первобытного человека. Мы провели в пещере три часа, а затем потратили время, чтобы снова спуститься вниз, когда постепенно до нас дошел весь ужас нашего положения: сверху лестница была скрыта от нас выступом нависающего карниза.

Мы слышали крики снизу, но разобрать слова было невозможно. Казалось, не могло быть и речи о том, чтобы переползти через этот выступ, не увидев верхнего конца лестницы. Верхний конец её отошел в сторону, и лестница отклонилась. Мы закрепили один конец нашей веревки вокруг большого валуна внутри пещеры и, очень осторожно нащупывая ногами верх невидимой лестницы, спустились по веревке, пока не смогли ухватиться за лестницу руками. Я спустился первым, велел бросить веревку и не отвязывать её. Все благополучно добрались до дна и сразу заварили чай.

Когда мы сидели под деревом и пили чай, я увидел, как мой киргиз Ураз подошел к лошадям, сматывая веревку.

«Это ты отвязал веревку?» – спросил я его.

«Да, чем еще нам привязать лошадей? Это ведь хороший прочный аркан», – ответил сей отважный сын степей, бесстрашно спустившийся с опасного обрыва без веревки.

Через несколько дней после моей экскурсии в пещеру башкиры принесли мне шкуру медведя, которого я подстрелил. Они нашли его мертвым в камышах, в воде, прямо на берегу реки. И мясо, и шкура были испорчены; волосы вылезали горстями. Все, что я

мог взять домой на память, – это когти. Моя пуля прошла через левую сторону груди и пробила ему плечо, когда он стоял на задних лапах.

Однажды в лагере меня навесил незнакомый человек, русский по имени Михаил Мамыкин. Он был настоящим лесником. Среднего роста, очень мускулистый, с круглыми плечами, длинными руками и лицом, почти полностью покрытым густой растительностью, Мамыкин выглядел типичным «диким лесным человеком», совсем как волосатый Айну. Он представился как человек, занимающийся «лесным делом», сказав, что много лет прожил в башкирской деревне примерно в сорока верстах отсюда.

«А чем ты занимаешься в остальное время?» – спросил я его.

«Зимой я много стреляю, тетерева, рябчика, глухаря и так далее; ловлю волков и лис, куниц и выдр; стреляю белок и северных оленей. Летом собираю и готовлю лыко и дратву, а также делаю другие вещи для продажи. Делаю лопаты для башкир, и, по сути, живу в лесу. Мой отец и мой дед тоже жили здесь, точно так же».

«Ты когда-нибудь охотился на медведя?» – спросил я его.

«Да, когда был молодым, – ответил он. – Раньше я брал на копье, но после того, как меня покалечил один и я слег на три месяца, то отказался от такого рода занятия».

Мамыкин пришел ко мне с просьбой. Ему нужна была хорошая длинная крепкая веревка, острый топор и два или три человека, чтобы помочь ему. Он сказал, что знает, где есть старое дуплистое дерево, где дикие пчелы построили свое гнездо более десяти лет назад. Он подсчитал, что там должно быть добрых две сотни фунтов меда, но дерево было очень толстым и высоким, и один человек едва ли смог бы добраться до меда. Хотя я довольно скептически относился к двумстам фунтам меда, я дал ему то, что он хотел, и послал с ним трех башкир. Я попросил его ни в коем случае не опустошать гнездо, но оставить достаточно меда для пчел на зиму и как следует заткнуть дыру в гнезде, через которую он собирался мед вынуть. Я послал с ним Хайбуллу, дабы проследить, чтобы тот сделал так, как я ему сказал. Два дня спустя они вернулись и принесли с собой не менее ста восьмидесяти фунтов великолепного меда, чистого, прозрачного, белого и твердого, почти кристаллического. Они не прикасались к верхней части гнезда, где находились соты, довольствуясь медом, который накопился и густел в нижней части дупла в течение многих лет. Мамыкин сказал мне, что это довольно обычное явление; мед накапливается в нижней части дуплистых деревьев и с течением лет постепенно становится «твердым, как сахар».

Когда мы расставались, Мамыкин энергично уговаривал меня приехать на зимнюю охоту на медведя. «К Рождеству, – сказал он, – пока снег в лесу не стал слишком глубоким»; и пообещал к тому времени найти нескольких медведей, впавших в спячку. Я решил, что и там попытаю счастья в охоте на медведя зимой.

III.

В начале декабря того же года я приехал в гости к своему дяде в маленький городок Орск, который находится точно на границе Европы и Азии, на пересечении дорог в Туркестан, Сибирь и горный район верхнего Урала. Я нашел ожидающее меня письмо от начальника почтовой станции села Кананикольское, в котором он сообщал мне, что нашел три берлоги, или медвежьи логова для зимовки, убедился, что животные – «у себя дома и ждут моего прибытия». Я должен был заплатить ему двадцать пять рублей за каждого найденного медведя, около двух фунтов десяти шиллингов, очень разумная цена, если вспомнить, что хорошая медвежья шкура стоила в те дни не меньше ста рублей.

Я, не теряя времени, начал готовиться. Зимы в этой части России очень суровые, температура иногда опускается до точки замерзания ртути. К счастью для меня, в этот период морозы были не очень сильными, не превышали примерно -27 градусов по Цельсию – на самом деле, довольно приятная мягкая погода, как говорили наши люди, когда я выезжал из Орска.

Утро было ясное, и снег хрустел под полозьями саней. Небо было затянуто легкой

дымкой, сквозь которую солнце выглядело очень большим и ярким, но холодным. Оно было окружено двумя широкими световыми кольцами. Мороз защипал мне нос и уши, и я поднял широкий воротник своей дохи. Нигде в мире нет такой тёплой одежды, как эта сибирская доха. Сшитая из шкур молодого северного оленя или косули, подбитая толстым слоем песка, доха одновременно теплая и легкая, а главное, абсолютно непроницаема для ветра.

Наше оружие тоже нужно было защищать от холода. Моё оружие, тяжелая двуствольная бескурковка и ружьё «500 Express» хранились в специальных меховых чехлах. Если незащищенное от холода ружьё взять в жаркое помещение после морозного воздуха, или даже если оно было в обычном оружейном ящике, то немедленно покрывается, как изнутри, так и снаружи, слоем льда от замерзания влаги воздуха в помещении, которая конденсируется при контакте с холодным металлом. В толстом меховом чехле металлические детали постепенно прогреваются, и влага воздуха на них не конденсируется. Конечно, всех этих трудностей можно избежать, оставив их снаружи, но в этом случае судьба их может оказаться непредсказуемой, т.к. различать понятия «твое» и «мое» никогда не было свойственно жителям русских деревень.

Отъехав от города миль на двадцать, мы оказались в холмистой пустынной местности. Переночевав в небольшой башкирской деревне, мы пересекли глубокую долину реки Сакмара, поднимаясь в гору в густой сосновый лес Урала. Мороз усилился.

Ближе к вечеру, когда было особенно холодно, мы через поляну подъехали к деревне. Примерно в трехстах ярдах от дороги вышла большая серая собака и стала неподвижно на нас смотреть. Я сразу понял, что это волк, шепнул вознице, чтобы он не останавливался, потом медленно снял доху, вытащил винтовку из чехла и попытался зарядить её. К моему удивлению, коромысло работало свободно, но замок не открывался. Я сразу забыл о волке. Ничего не оставалось делать, как ехать к нашему ночлегу, разморозить оружие, открыть его и попытаться понять, в чем дело.

Винтовка отлично работала в теплой комнате. Очевидно, система Пибоди-Мартини не подходила для сурового климата. Затем я задался вопросом, произойдет ли то же самое с моим штуцером, двуствольной винтовкой без курка, большого калибра. Я распаковал оружие и положил его снаружи без чехла, выставив на холод всю ночь. Ранним утром следующего дня, когда едва рассвело, я завернулся в свою доху и вышел посмотреть, сработает ли штуцер. Он был таким холодным, что было больно прикоснуться к нему голой рукой, но, к моему огромному облегчению, я обнаружил, что курок может взводиться и спускаться.

«Держите ружье наготове и заряженным, – посоветовал мне мой башкирский хозяин, – здесь много косули, и вы, скорее всего, встретите её по дороге».

Так мы и сделали. Днем, когда мы ехали по длинной прямой просеке через лес, возница внезапно затормозил.

«К нам приближается олень!» – сказал он.

Я посмотрел вперед и увидел, что прямо на нас идет не олень, а косуля. Я подождал, пока она отойдет на пару сотен шагов, тщательно и уверенно прицелился ей в грудь и нажал на спусковой крючок.

Щелчок!

«Забавно, - подумал я, – не повезло, осечка».

Косуля остановилась и наострила длинные уши, а я прицелился во второй раз и снова нажал на спусковой крючок.

Щелчок!

Это сводило с ума. Я лихорадочно открыл затвор, вытащил патроны и вставил новые, а косуля тем временем медленно развернулась и зашагала прочь. Моя рука немного дрожала от волнения и спешки, но я успел прицелиться в нее еще раз.

Щелчок!

Я сел в отчаянии. Что за наваждение!

Казалось, я был полностью готов к грандиозной охоте в этой великолепной местности, где много дичи, и ни одно из моих ружей не годилось!

Пока мы ехали, я осмотрел патроны, давшие осечку, и заметил, что на капсюлях были лишь небольшие вмятины. Это было странно. Курки работали, но слишком слабо, чтобы воспламенить капсюль. В чем может быть причина? Не может быть, чтобы сильный холод снизил упругость пружин. Я ломал над этим голову, как вдруг додумался о причине. Если сам спирт в такие морозы густеет как патока, то самое жидкое масло должно превратиться в полутвердую массу, которая будет препятствовать действию пружин.

Первое, что я сделал по прибытии в Кананикольское, – это разморозил затвор и разобрал механизм на части. Я вытер жир с замка и промыл его спиртом, а затем оставил его на морозе на всю ночь. Ранним утром следующего дня, которое было ужасно холодным, пара глухих выстрелов порадовала мои уши, потому что при таких низких температурах выстрел звучит не очень громко.

«Возвращайтесь и навестите нас снова, – сказал почтмейстер, – если вы не добудете медведя; но если вы это сделаете, ради Бога, не приближайтесь к нам, иначе вы напугаете всех наших лошадей до смерти. В таком случае приходите ко мне домой, вам там будут рады», – воскликнул славный старик с длинной белой бородой, похожий на Деда Мороза, и указал на новый дом прямо напротив.

Я оставил там свои дорожные сани, так как они были слишком широки и тяжелы для тропинок и просек в лесу, и взял пару узких, довольно высоких саней, рассчитанных на одну лошадь.

Ветра не было, и в неподвижном воздухе даже не чувствовалось этого очень сильного мороза. Только мои усы замерзли, а спины моих собак и лошадей сразу покрылись инеем от замерзшего дыхания и пота животных. Сосны были густо покрыты пушистым снегом, словно высечены из серебра. Иногда с вершины сосны внезапно падал комок снега, когда белка перепрыгивала с ветки на ветку, напуганная приближением саней. На больших березах я видел самца тетерева, питающегося семенами. Раз или два я мельком видел глухарей, сидевших на вершинах сосен, но они были далеко от дороги, а снег был слишком глубок, чтобы можно было сойти с тропы, хотя мне очень хотелось попробовать штуцер на одной из этих великолепных птиц. Даже по тонкому снегу было бы бесполезно пытаться дойти до них на расстояние выстрела; эти птицы очень пугливы и хитры.

Но в конце концов у меня появилась такая возможность. Я увидел пару глухарей на вершине высокой сосны, совсем рядом с дорогой.

Они не заподозрили никакой опасности в приближении двух саней и трех лошадей и спокойно продолжали грызть кончики веток, позволяя нам приблизиться примерно на шестьдесят шагов. Я велел кучеру ехать медленно, а сам тихонько выскользнул из саней, прицелился в большую птицу и выстрелил. Одновременно с выстрелом она упала как камень и исчезла. Падая с такой высоты, огромная тяжелая птица была полностью погребена в глубоком мягком снегу, и выкапывать её было действительно нелегко. Это был старый петух; пуля прошла прямо сквозь него и сильно изуродовала его тело, так что он годился только для супа; но для меня было огромным утешением то, что штуцер работает нормально.

Что касается глухаря, мясо старого петуха вряд ли съедобно, но один мой знакомый гастроном, у которого я спросил совета, дал мне следующий рецепт для таких крепких старых птиц:

«Ошипайте и очистите его, и тщательно натрите изнутри солью, перцем и горчицей; набейте его луком, зашейте и закопайте в землю на двадцать четыре часа. Затем хорошо вымойте его и замочите в молоке на двенадцать часов и на десять – в уксусе. После этого снимите с него кожу, хорошо смажьте и жарьте на медленном огне в течение получаса. Затем пропарьте в течение трех часов, хорошо намажьте маслом и дайте собаке, если она захочет его съесть, потому что никто другой не сможет».

Вечером мы добрались до деревни, где жил Мамыкин. Старик был рад видеть меня и сказал, чтобы я не волновался, так как медведей никто не беспокоил, и они все еще спят в своих зимних берлогах, «сосут лапы», как он выразился. Распространено мнение, что медведи сосут лапы, когда спят, основанное на том факте, что они прикрывают ими свою нежную и влажную морду, чтобы защитить её от мороза, а также на общем наблюдении, что молодые медведи, когда им скучно и нечего делать, лижут подошвы передних лап, хрюкая и мурлыча, как будто им это нравится.

Хижина Мамыкина была сделана из бревен лиственницы и состояла из двух больших комнат, разделенных проходом. Одна была кухней, спальней и гостиной, другая была «чистой половиной», фактически гостиной, где он принимал своих посетителей, – явление достаточно редкое, хотя случайный торговец и мог забрести сюда.

После ужина мы разработали наш план кампании. Ранним утром мы выезжали к ближайшей берлоге, примерно в двенадцати верстах отсюда. В то же время Мамыкин посылал пару башкир на лыжах посмотреть на две другие, которые находились рядом друг с другом на расстоянии около двадцати верст.

На следующее утро, после хорошего плотного завтрака из яиц и блинов, приготовленных старой женой Мамыкина, мы отправились в путь на паре саней, взяв с собой три пары лыж.

На Урале лыжи снизу покрывают оленьей шкурой, чтобы предотвратить их проскальзывание при подъеме в гору.

Мы проехали несколько верст по узкой просеке, а затем углубились в густой лес огромных лиственниц. Снег был по колено лошадям, но мягкий и рыхлый, свежесвыпавший, так что мы передвигались без особого труда.

Примерно в миле от логова я снял свою доху, взял штуцер, и мы продолжили наше движение на лыжах. Несмотря на сильный холод, я не мерз, ибо физические усилия и волнение согревали меня. Воздух был неподвижен, а день облачным, и мы легко скользили вниз по пологому склону. Высокие сосны и лиственницы стали попадаться реже, хотя пространство между ними было заполнено молодыми деревцами, и напоминало ворс на щетке. Мы подошли к небольшой ложине, на дальней стороне которой лежало огромное вырванное с корнем дерево.

«Его логово под тем деревом, – прошептал башкир, – Мамыкин остановится здесь с собаками, пока мы пойдем и выберем для тебя место. Держи глаза открытыми и ружье наготове: медведь может внезапно проснуться и броситься наутек».

Примерно в ста пятидесяти шагах от медвежьей берлоги я увидел темное пятно диаметром около фута, окаймленное желтым, – след, оставленный на белом снегу дыханием медведя. Примерно в пятнадцати шагах перед отверстием, на небольшой полянке среди молодых побегов сосен, я снял лыжи, пока башкир топтал снег вокруг. Я не сводил глаз с этой дыры. Что в ней было? Башкир сказал, что, судя по следам, в ней, вероятно, находился крупный самец, но он мог и ошибаться.

Когда башкир протоптал весь снег вокруг, он крикнул Мамыкину, чтобы тот отпустил собак. Я внимательно посмотрел на ствол винтовки, чтобы убедиться, что снег не попал внутрь, а затем снял затвор с предохранителя. Собаки бросились вперед, их хвосты весело развевались в воздухе. Это были обычные башкирские собаки, покрытые густой шерстью, с вьющимися хвостами и короткими острыми ушами; порода называется муйнак, и чем-то похожа на сибирскую лайку.

Добравшись до нас, они понюхали воздух и коротко отрывисто залаяли.

«Взы, Взы!» – позвал башкир, стоявший слева от меня и бросавший в яму комья снега.

Минута или две прошли в молчании. Казалось, что логово было покинуто, или же его обитатель спал мертвым сном.

Вдруг из глубины ямы послышался глухой рев. Собаки отпрянули, но начали лаять еще яростнее, чем прежде. Я затаил дыхание. Снова тишина. Собаки снова приблизились,

прямо к отверстию. Я пытался оценить, как долго мы ждем, когда отверстие закрылось падающим с корней дерева снегом, и внезапно, с оглушительным ревом в середине его появилась огромная темно-коричневая масса, в которой сверкали два маленьких черных глаза.

«Сейчас самый подходящий момент!» – мелькнуло у меня в голове. Я поднял затвор к плечу, навел мушку между этими двумя блестящими глазами, крепко прижал приклад к плечу и нажал на спуск.

Глухой звук, и снова снежный поток обрушился на отверстие, накрыв темную бесформенную массу. Я стоял, держа палец наготове для выстрела из второго ствола, ожидая, когда зверь бросится в атаку. Но все было тихо. Темная масса лежала неподвижно. Теперь я мог достаточно ясно видеть, что его голова была покрыта снегом и что глаза больше не сверкали. Собаки замерли, как будто испуганные этим звуком. Я вставил новый патрон.

«Неужели он действительно мертв? – была моя первая мысль. – Возможно ли, что все произошло так быстро и так легко?»

Мамыкин швырнул большую сухую ветку в коричневую массу; она упала на голову; масса даже не пошевелилась.

«Слава Богу, хвала Небесам!» – воскликнул я на своем родном языке, в то время как башкиры благодарили Аллаха по-своему.

Я совсем забыл о холоде, раскраснелся от волнения и весь горел, а мой лоб был влажным от пота под теплой сибирской шапкой.

Башкир отправился за санями, а Мамыкин срубил несколько сухих сосен и лиственниц и развел огромный костер. Мы обвязали веревкой передние лапы убитого медведя и потянули. Объединенной силы нас четверых едва хватило, чтобы вытащить его из ямы. Это был огромный старый самец, покрытый густой лохматой шерстью великолепного темно-коричневого цвета в первоклассном состоянии.

Было уже далеко за полдень, когда мы отправились обратно в деревню. Медведь был тяжелым, и мы продвигались медленно. Солнце стояло низко, когда я увидел очень странное явление. Возле тропы на большой березе замерло около дюжины тетеревов. Как заманчиво, подумал я, сделать выстрел, так как они не боятся саней и позволят одному подойти на близкое расстояние и выстрелить в нескольких, одного за другим. Я пожалел, что у меня нет с собой малокалиберной винтовки, когда, к своему удивлению, заметил, что они начали исчезать. Они не улетали, а просто исчезали. Потом я увидел, что произошло. Они как камни упали в мягкий, глубокий, рыхлый снег, который полностью покрыл их. Я спросил об этом явлении Мамыкина. Он рассказал мне, что во время сильных морозов тетерева часто проводят ночь, зарывшись вот так в снег, где им уютно и тепло. Я слышал об этом и раньше, но относился скептически, и поэтому был рад возможности убедиться самому. Привязав лыжи, я подошел к дереву, где не осталось ни одной птицы, и смог различить несколько малозаметных дыр в снегу. Я пощупал их палкой, и птицы с шумом взлетели, рассыпав целый фонтан мягкого порошкообразного снега.

Когда мы добрались до дома Мамыкина, уже стемнело. Башкир, который утром отправился осматривать другие логова, давно вернулся и сообщил, что одно в порядке, но другое, похоже, пустовало, хотя, судя по следам, хозяин покинул его совсем недавно.

На следующее утро мы отправились в путь на рассвете. Было очень холодно, но позже стало немного теплее, когда пошел мелкий снег. Дорога была лучше и ровнее, лес не слишком густой, но последние пару миль до берлоги нам пришлось ехать по каменистым склонам и пробираться между скалами и деревьями. Затем мы надели лыжи и подошли к берлоге. Отверстие находилось между двумя огромными скалами у подножия утеса, поросшего кустарником и зарослями. К яме нельзя было подойти ближе, чем на двадцать ярдов, и мне пришлось занять позицию ниже нее, так что яма, наполовину скрытая камнями и кустарником, была примерно в десяти футах надо мной. Мы отпустили собак, и они долго и свирепо лаяли, но обитатель логова не подавал признаков жизни.

Целых полчаса мы стояли там, напряженные и настороженные, пока я не начал думать, что эта берлога тоже пуста, хотя бешеный лай собак указывал на присутствие животного.

Внезапно одна из собак с воплем полетела вниз по склону, вся покрытая снегом из кустов, и серое чудовище выскочило на камни и побежало справа от меня вниз по склону. Я прицелился в грудь с небольшим опережением, и нажал на курок. Через секунду или две после выстрела зверь замедлил ход, и я прицелился еще раз, на этот раз в его плечо. После второго выстрела он споткнулся, медленно рухнул и перекатился примерно в семидесяти ярдах от того места, где я стоял. Перезарядив оружие, я начал осторожно подходить к нему, наблюдая за его последними судорожными движениями. На этот раз собаки свирепо набросились на тушу и принялись терзать и рвать её так яростно, что башкиру с трудом удалось их отогнать.

Мертвый зверь оказался самкой, меньше вчерашнего самца и более желтоватого цвета, но с великолепной густой лохматой шерстью в идеальном состоянии. Пока Мамыкин ходил за санями, мы с башкиром осмотрели берлогу, нет ли в ней детенышей.

На этот раз мы вернулись домой еще позже, и я не мог уехать в Кананикольское на следующий день, так как мне нужно было договориться о найме еще одних саней и пары лошадей, мои двое были нагружены драгоценной добычей.

Мы прибыли в Кананикольское ближе к вечеру, и я поехал прямо в дом напротив почтовой станции, куда меня пригласили. Мой хозяин увидел, что мы приближаемся, и выбежал, чтобы бурно поприветствовать меня.

«Добро пожаловать, Павел Степанович! Браво! Отличная работа! Хорошая стрельба! Поздравляю! Заходи в гостиную, и я прикажу отнести медведей на кухню, чтобы они оттаяли, а завтра мы их освежаем, отрежем окорока и спустим жир. У меня как раз есть человек для этой работы, Семен!»

Пока я согревался стаканом чая, они принесли медведей, замерзших, как камень, и отнесли их на кухню оттаивать, чтобы мы могли снять с них шкуру на следующий день. Посмотреть на них пришла толпа, вставшая у дверей кухни, которые выходили прямо на улицу.

На следующее утро я проснулся поздно. День был ясный и солнечный, с резким морозом. Когда я сел завтракать, я услышал звон колокольчиков, и на почтовой станции напротив меня остановились большие сани, запряженные тройкой. Молодой человек в черной дубленке и военной фуражке спешил и вошел внутрь. Очевидно, какой-то офицер направлялся в Верхнеуральск по этой малолюдной дороге. Через несколько минут он снова вышел и направился к дому, где я остановился. Он вошел в комнату, поздоровался и представился как капитан Г. Он был одет в шинель офицера Генерального штаба, подбитую белой овечьей шерстью, с высокими валенками на ногах.

«Вы позволите мне взглянуть на вашу добычу? – спросил он с дружелюбной улыбкой. – Я слышал, что это прекрасные экземпляры, я сам очень люблю стрелять, но еще ни разу не стрелял в медведя».

Мы пошли на кухню, где кто-то уже приступил к своей задаче по снятию шкуры с самки. Покрытая толстым слоем белого жира, туша имела странное сходство с человеческим телом.

«Как странно, освежеванный медведь выглядит точь-в-точь как человеческое тело, – задумчиво заметил капитан Г. – Какое это производит очень неприятное впечатление!»

«Да, – согласился я, – некоторые сибирские племена считают медведя чем-то вроде родственника человека, и когда они убивают медведя, всегда просят у него прощения; киргизы иногда называют его *ява адам*, то есть дикий человек».

«И русские крестьяне тоже почитают его именем Михаил Иванович Топтыгин, или сокращенно Мишка», – заметил капитан с улыбкой.

«Проходите и выпейте стакан чая, – предложил я. – Самовар на столе». Пока мы потягивали дымящийся напиток, он рассказал мне, что ехал всю ночь и продрог насквозь; он только что сдал экзамен в Академии Генерального штаба и направлялся в

Верхнеуральск, чтобы навестить свою мать, которую он не видел три года, чтобы провести с ней свой рождественский отпуск.

«Это очень опасный вид спорта, охота на медведя?» – поинтересовался он.

«Мне трудно об этом судить, – ответил я. – Это мой первый опыт, и мне повезло; возможно, в следующий раз так не повезет».

«Один человек в нашем полку, – продолжал он, – был убит медведицей, которую он застрелил; он подумал, что она мертва, и подошел к ней, после чего она вскочила и бросилась на него, повалила его и раздавила насмерть».

«Ах, – посочувствовал я, – следовало вначале убедиться, что её вредоносная сила действительно иссякла».

«Ну, как бы то ни было, таковая сила Ваших медведей закончилась навсегда», – пошутил он.

«Абсолютно», – скромно согласился я, ничуть не подозревая о том, что ждет нас в ближайшие несколько минут.

Мы расстались очень дружелюбно; он пожелал мне дальнейших успехов в моей спортивной карьере, а я пожелал ему благополучного прибытия и счастливого Рождества с его матерью. Затем я вернулся в свою комнату, встал и выглянул из окна на улицу. Тепло комнаты и пар от самовара растопили лед на стекле, и все, что происходило снаружи, было хорошо видно. Я видел стоявшую там тройку лошадей, запряженных в тяжелые сани, и кучера, по обычаю его профессии, не сидевшего на козлах, а стоявшего с вожжами в руках, ожидавшего, когда его пассажир займет свое место в санях, когда он запрыгнет на козлы и сразу же пустится быстрой рысью. Лошади стояли спокойно, время от времени скидывая головы и заставляя колокольчики на дуге звенеть.

Молодой офицер медленно вышел, надел свою черную шубу, сел в сани и наклонился вперед, чтобы укрыть ноги тяжелым меховым ковром. Трудно описать, что произошло дальше. Все было кончено в мгновение ока.

Я услышал, как скрипнула и открылась дверь кухни, и увидел, как в морозный воздух вырвался большой клуб белого пара, и при этом вся тройка сорвалась в галоп, как будто ею выстрелили из катапульты. Кучера швырнуло на спину; мгновение спустя тройка резко свернула за угол улицы; сани перевернулись, ударились об угол дома, содержимое рассыпалось по снегу, а обезумевшие лошади понеслись дальше.

Я вырвался и бросился к офицеру, лежащему на снегу, и в ужасе отшатнулся. Черная шуба была разорвана, и из раздавленных останков его головы и лица на снег хлынул поток дымящейся крови.

Прибежал смотритель почтовой станции, бледный и дрожащий, что-то бессвязно бормоча. Я понял, что он извинялся: лошади-де всегда были такими тихими... это была не его вина. Я знал, что произошло и кто в этом виноват. Кто-то вошел в кухню, не закрыв за собой дверь. Горячий воздух вырвался на дорогу, неся зловонный запах медвежьих туш в самые ноздри лошадей. Этого было достаточно, чтобы напугать животных.

Мой несчастный юный знакомый был убит мертвыми медведями... Их способность причинять вред никогда не заканчивалась даже после смерти. Он заплатил своей жизнью за чью-то глупость и беспечность.

Таким образом, все удовольствие и триумф моей первой экспедиции за медведем превратились в уныние и печаль.

Эти великолепные шкуры украшали мой кабинет до той поры, пока не были украдены советскими комиссарами как «принадлежащие народу», как и все остальное, что было у меня в этом мире. Часто, когда мои глаза обращались на них, я думал о погибшем офицере и той несчастной женщине, его матери, что все ждала и ждала, когда её сын придет, чтобы провести с ней Рождество, да так и не дождалась...